

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

William S. Bailey
Class of 1964

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛІ.

1887.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатеринбургскаго кан., № 78.

1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	3
П. А. Сырку. Славяно-румынскіе отрывки	1
П. Г. Виноградовъ. Исслѣдованія по социальной исторіи Англии въ средніе вѣка (<i>окончаніе</i>).	18
А. Н. Веселовскій. Вѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ и Изольдѣ въ Познанской рукописи конца XVI вѣка	58
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
А. Н. Соболевскій. Обзоръ звуковъ и формъ вѣлорусской рѣчи. Сочиненіе <i>Е. О. Карскаго</i> . М. 1886.	137
А. В. Романовичъ-Славатинскій. Реакція въ Пруссіи (1848 — 1858). Исслѣдованіе <i>А. Назимова</i> . Ярославль. 1886.	147
Р. Г. Д. В. К. Надлеръ, Императоръ Александръ I и идея Священнаго союза. Тома I и II. Харьковъ. 1886.	162
В. А. С. Семейство Разумовскихъ. <i>А. А. Васильчикова</i> . Четыре тома. С.-Пб. 1880—1887.	168
П. А. С — скій. Первобытное право.	171
П. О. Морозовъ. Иностранныя сочиненія о русской литературѣ	179
И. И. Холоднякъ. Марціаль въ изданіи Фридендера	185
П. М. Майковъ. Внѣшняя политика императора Николая Перваго. <i>С. С. Татищева</i> . С.-Пб. 1887	200
— Книжныя повести	230
Ф. И. Леонтовичъ. Коммерческія училища за границей и въ Россіи.	1
— Наша учебная литература (разборъ 4 книгъ)	36
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.	
— Императорское Московское Археологическое Общество въ 1886 году	1
— Наши учебныя заведенія: I. Варшавскій университетъ въ 1885 году	22
— II. Учебная часть на Кавказѣ въ 1885 году.	27
— И. О. Поляковъ (некрологъ)	39
ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.	
В. Э. Регель. О городѣ Даскиліи и о Даскиліиномъ озерѣ.	1
А. Н. Сонинъ. Нѣсколько замѣтокъ къ Эсхилову Агамемнону.	8
Ф. Г. Мищенко. Къ вопросу о времени и порядкѣ составленія Фукидидомъ исторіи Пелопоннесской войны.	19
В. В. Латышевъ. Еще о мѣстоименомъ Ипполава мѣса.	36
А. И. Соболевскій. Латинское будущее на -во и имперфектъ на -вамъ.	43
А. Н. Щукаревъ. Къ каталогу афинскихъ архонтовъ.	46

Редакторъ **Л. Майковъ.**

(Вышла 4-ю мая).

КЪ ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И ПОРЯДКѢ СОСТАВЛЕНІЯ ТУКИДИДОМЪ ИСТОРІИ ПЕЛОПОННЕСКОЙ ВОЙНЫ.

По словамъ самого Фукидида, онъ началъ писать исторію пелопоннеской войны тотчасъ по возникновеніи ея, „ибо былъ увѣренъ, что она будетъ важна и болѣе достопримѣчательна, чѣмъ всѣ предшествовавшія“¹⁾. Также отъ Фукидида мы узнаемъ, что онъ пережилъ всю двадцатисемилѣтнюю войну (431—404 до Р. Х.), кончившуюся разрушеніемъ пирейскихъ стѣнъ и сокрушеніемъ политическаго могущества Аѳинъ. Историкъ зналъ роковой конецъ борьбы и намѣревался изслѣдовать и описать всѣ періоды ея²⁾. Однако намѣренію Фукидида не суждено было осуществиться. Дошедшій до насъ трудъ его останавливается на событіяхъ двадцать перваго года войны, относящихся къ Ол. 92, 2. 411 г. до Р. Х. По всей вѣроятности, смерть помѣшала выполненію задуманнаго плана. Одинъ Мюллеръ-Штриубингъ въ своихъ „Фукидидовыхъ этюдахъ“ дѣлаетъ смѣлую догадку, что до насъ дошла только часть того, что было дѣйствительно написано историкомъ, что онъ довелъ свой трудъ до конца, но послѣдняя часть его потеряна или намѣренно уничтожена пособниками тридцати тиранновъ³⁾. Но это не болѣе какъ догадка, лишённая какой-либо реальной опоры.

¹⁾ Фукидίδης Ἀθηναῖος ἑνέγραψε τὸν πόλεμον τῶν Πελοποννησίων καὶ Ἀθηναίων ὡς ἐπολέμησαν πρὸς ἀλλήλους, ἀρξάμενος εὐθὺς καθισταμένου καὶ ἐλπίσας μέγαν τε εἶναι καὶ ἀξιολογώτατον τῶν προγεγενημένων. I, 1, 1.

²⁾ V, 25—26. II, 65.

³⁾ Thukydidische Forschungen. Wien. 1881, стр. 74 сл.

Такъ какъ въ первыхъ же книгахъ исторiи имѣются выраженiя, обличающiя знакомство автора съ позднѣйшими событiями пелопоннесской войны и съ окончанiемъ ея въ 404 году, то уже въ древности высказана была гипотеза, что во время войны историкъ дѣлалъ только краткiя замѣтки для памяти и лишь по окончанiи всей войны обработалъ собранный материалъ и придалъ ему форму цѣльнаго мастерского произведенiя¹⁾. По мнѣнiю другихъ, дошедшему до насъ черезъ анонимнаго биографа, такъ-называемое предисловіе (I, 1—23) написано Тукидидомъ послѣ составленiя исторiи, ибо въ немъ упоминаются нѣкоторыя событiя войны и конецъ ея²⁾. Однако древнiе грамматики, интересовавшiеся этимъ вопросомъ, мало заботились о фактическомъ обоснованiи своихъ мнѣній, которыя поэтому не выходили изъ области субъективныхъ впечатлѣній и болѣе или менѣе случайныхъ и мимолетныхъ предположенiй. Такъ впрочемъ продолжалось чуть не до половины нынѣшняго столѣтiя, именно до выхода въ свѣтъ Крюгераго жизнеописанiя Тукидида³⁾. Крюгеръ, издатель Тукидида, не мало способствовавшiй установленiю и объясненiю его текста, первый сдѣлалъ попытку доказать на основанiи самого сочиненiя ту гипотезу древнихъ грамматиковъ, что обработка собранныхъ во время войны извѣстiй, краткихъ замѣтокъ и мемуаровъ относится ко времени послѣ Лизандрова мира. Согласно этой гипотезѣ единый общiй планъ лежитъ въ основанiи Тукидидовой исторiи, которой такимъ образомъ чужды какiя бы то ни было позднѣйшiя вставки.

Противъ этого взгляда на время и способъ составленiя историкомъ своего сочиненiя выступилъ рѣшительно, съ большою эрудициею и глубокимъ знанiемъ писателя Ульрихъ въ своихъ *Beiträge zur Erklärung des Thukydides* (Hamburg. 1846). Не единство, а двойственность плана открывалъ онъ въ сочиненiи Тукидида. По его мнѣнiю, подъ исторiей пелопоннесской войны Тукидидъ разумѣлъ первоначально только десятилѣтнюю, такъ называемую Архидамову

¹⁾ ἀφ' οὗ μὲν γὰρ ὁ κόλεμος ἤρξατο, ἐσημειοῦτο τὰ λεγόμενα ἅπαντα καὶ τὰ πρατόμενα οὐ μὲν κάλλους ἐφρόντισε τὴν ἀρχὴν, ἀλλ' ἢ τοῦ μόνου αἰῶσι τῆ σημειώσαι τὰ πράγματα κτλ. *Murell.* § 47.

²⁾ Anonym. § 8.

³⁾ *Untersuchungen ueber das Leben d. Thukydides.* Berl. 1832. *Nachträge zu d. Untersuch. ueber d. L. d. Thuk.* Berl. 1839. То и другое вошло въ I тетрадь его *Kritische Analekten.* Berl. 1863.

войну (431—421); вскорѣ по окончаніи ея и по заключеніи Никіева мира: историкъ написалъ первую часть дошедшаго до насъ труда (I—IV, 48,з), при чемъ разсматривалъ и описывалъ Архидамову войну какъ самостоятельную, вполне закончившуюся Никіевымъ миромъ (стр. 67. 133. 135. 136). Работа не была кончена, какъ борьба между Аѳинами и Спартою возобновилась на сицилійской территоріи, потомъ въ декелейской и іонійской войнѣ, когда въ борьбѣ приняли участіе всѣ елліпы, не исключая аргивянъ, сицилійцевъ и италіотовъ. Историкъ пріостановилъ работу въ ожиданіи дальнѣйшаго хода событій и снова ограничивался собираніемъ извѣстій и изслѣдованіемъ фактовъ; лишь по прошествіи десяти-одиннадцати лѣтъ Тукидидъ по возвращеніи въ Аѳины приступилъ къ продолженію и окончанію прерваннаго на время труда. Такимъ образомъ, по предположенію Ульриха, историку потребовалось около восьми лѣтъ на составленіе первыхъ трехъ съ половиною книгъ и отъ шести до семи лѣтъ на составленіе второй части исторіи, начатое по окончаніи всей двадцатисемилѣтней войны: крайнимъ предѣломъ жизни историка Ульрихъ, согласно съ большинствомъ новыхъ біографовъ, принимаетъ 396 г. до Р. X. (стр. 92, сл. 133. 135. 138. 147 и др.).

Гипотеза Ульриха опирается на нѣкоторыя общія соображенія и главнымъ образомъ на толкованіе отдѣльныхъ мѣстъ первой части исторіи, доказывающихъ, по его мнѣнію, что при составленіи этой части своего труда Тукидидъ не зналъ еще ни окончанія аѳинско-пелопоннесской распри со всѣми ея послѣдствіями, ни сицилійской экспедиціи, ни оккупациі Аттики въ декелейскую войну. Знаніе это обнаруживается историкомъ только въ двухъ мѣстахъ нашей второй книги: II, 65 и 100,з, которыя потому признаются имъ позднѣйшими вставками.

Ульрихъ первый обратилъ вниманіе на тотъ, никѣмъ не оспариваемый теперь фактъ, что современники Тукидида и слѣдовавшіи за нимъ поколѣнія до Цицерона и Діодора Сицилійскаго понимали подъ пелопоннесскою войною не то, чтò понимаемъ мы, и на чемъ настаиваетъ Тукидидъ во второй части исторіи. Двадцатисемилѣтнюю Тукидидову борьбу древніе представляли себѣ въ видѣ нѣсколькихъ самостоятельныхъ войнъ съ шести-восьмилѣтнимъ перерывомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Никіева мира. Это-то представленіе древнихъ и вызвало со стороны нашего историка нѣсколько замѣчаній въ поясненіе и оправданіе представленія о двадцатисемилѣтнемъ періодѣ отъ 431 до 404 г., какъ о единой аѳинско-пелопоннесской

войнѣ ¹⁾. Еслибы историкъ въ самомъ началѣ имѣлъ въ виду написать исторію пелопоннесской войны по одному общему плану, то такого рода объясненіе и оправданіе своего взгляда онъ помѣстилъ бы въ началѣ труда и не откладывалъ бы его до второй части, до повѣствованія о возобновившихся военныхъ дѣйствіяхъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мира. На самомъ дѣлѣ въ первой части исторіи ничего подобнаго мы не находимъ. Описываемая имъ война обозначается словами: „война пелопоннесцевъ и аѳинянъ“, или „война пелопоннесцевъ и аѳинянъ и союзниковъ той и другой стороны“, или наконецъ „эта война“. Въ какомъ-нибудь болѣе точномъ опредѣленіи описываемой войны, въ указаніи на ея продолжительность и конецъ авторъ, очевидно, не нуждался потому, что предполагалъ въ читателяхъ ясное представленіе о предметѣ сочиненія и о предѣлахъ подлежащаго изложенію событія, а это возможно было въ томъ только случаѣ, если подъ „этою войною“ или „войною пелопоннесцевъ и аѳинянъ“ авторъ разумѣлъ только первую десятилѣтнюю войну до Никіева мира, извѣстную у современниковъ нашего историка подъ именемъ Архидамовою, или десятилѣтнею ²⁾. Потому Ульрихъ перечисляетъ въ первыхъ трехъ съ половиною книгахъ исторіи не менѣе десятка мѣстъ, которыя, по его мнѣнію, могли быть написаны не позже періода Никіева мира. Мѣста эти слѣдующія: I, 10,2. 21,2. 23. II, 1. 34,4. 54,3. 8,2. 57,2 и III, 26,3. 86,2. 87,2. IV, 48,5.

Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ древній авторъ предостерегаетъ читателя отъ ошибочнаго заключенія о важности какого-либо древняго города, Микенъ, напримѣръ, по наружному виду его развалинъ, и для примѣра беретъ города Спарту и Аѳины. „Такъ предположимъ“, говоритъ онъ,—„что городъ лакедемонянъ разворенъ, и что отъ него уцѣлѣли только святилища да фундаменты строеній. При этомъ условіи, я полагаю, у нашихъ потомковъ по прошествіи долгаго времени возникло бы сильное сомнѣніе въ томъ, что могущество лакедемонянъ соответствовало славѣ о нихъ. Между тѣмъ они владѣютъ двумя пятими Пелопоннеса, стоятъ во главѣ всѣхъ его жителей и множества союзниковъ за его предѣлами; тѣмъ не ме-

¹⁾ ἐστὶ δὲ ἐς τοῦτο ξόμπαντα ἐγένετο τῷ πολέμῳ ἑπτὰ καὶ εἴκοσι. καὶ τὴν διὰ μέσου ξόμβασιν εἴ τις μὴ ἀξιώσει πόλεμον νομίζειν, οὐκ ὀρθῶς δικαιώσει τοῖς τε γὰρ ἔργοις ὡς διήρηται ἀθρεῖτω καὶ εὐρήσει οὐκ εἰκὸς ὅν εἰρήνην αὐτὴν κριθῆναι, ἐν ᾗ οὕτω ἀπέδοσαν πάντα οὐτ' ἀπεδέξαντο ἢ ξυνέθεντο. V, 26,1—2.

²⁾ Thukyd. V, 25,1. 26,2. Harpocrat. sub. v. Ἀρχιδάμου.

нѣе городъ ихъ могъ бы представиться не соответствующимъ его значенію, такъ какъ части его не соединены вмѣстѣ, онъ не имѣетъ ни большихъ храмовъ, ни дорого стоящихъ строеній и по древнему обычаю Эллады состоитъ изъ отдѣльныхъ поселеній. Напротивъ, еслибы той же самой участи подверглись афиняне, то по наружномъ виду города могущество ихъ могло бы показаться вдвое большимъ сравнительно съ дѣйствительностью" ¹⁾).

Ульрихъ усматриваетъ въ этомъ мѣстѣ сравненіе Спарты и Афинъ въ томъ видѣ, въ какомъ оба государства существовали съ давняго времени и въ какомъ оставались по окончаніи первой войны; сравненіе, говоритъ онъ, было бы не возможно въ то время, когда Афины въ силу Ливандрова мира были уничтожены политически, и укрѣпленія ихъ разрушены. Кромѣ того, съ паденіемъ Афинъ Спарта стояла во главѣ не Пелопоннеса только, но всей Эллады (Xenoph. Hellen. III, 1, 3). Слѣдовательно сравненіе это не могло быть сдѣлано Эукидидомъ по окончаніи двадцатисемилѣтней войны.

Классенъ, а за нимъ и нѣкоторые другіе возражаютъ, что Эукидидъ сравниваетъ между собою не два города, но два различныхъ состоянія каждаго изъ этихъ городовъ; авторъ-де только представляетъ себѣ впечатлѣніе, какое долженъ произвести тотъ и другой городъ на позднѣйшаго зрителя послѣ разрушенія ихъ, независимо будто бы отъ ихъ политическаго значенія во время или по окончаніи пелопоннеской войны. По нашему мнѣнію, текстъ Эукидида рѣшительно не допускаетъ подобнаго толкованія. Впервыхъ, Эукидидъ отправляется отъ давно разрушенныхъ Микенъ, въ наслѣдіе отъ которыхъ остались только незначительныя на видъ развалины. Затѣмъ онъ беретъ для примѣра два современные города, находящіеся въ одинаковыхъ приблизительно условіяхъ и различающіеся по внѣшнему устроенію, по количеству и качеству зданій. Какимъ образомъ Эукидидъ могъ бы обойти молчаніемъ столь важное обстоятельство, какъ уничтоженіе Афинъ и разрушеніе пирейскихъ стѣнъ,

¹⁾ Λακείαμονίων γὰρ εἰ ἡ πόλις ἐρημωθείη, λειφθείη δὲ τὰ τε ἱερά καὶ τῆς κατασκευῆς τὰ ἑδάφη, πολλὴν ἂν οἶμαι ἀπιστίαν τῆς δυνάμεως προελθόντος πολλοῦ χρόνου τοῖς ἔπειτα πρὸς τὸ κλέος αὐτῶν εἶναι (καίτοι Πελοποννήσου τῶν πέντε τὰς δύο μοίρας νέμονται τῆς τε ξυμπάσης ἡγούνται· καὶ τῶν ἐξω συμμάχων πολλῶν ὄμως δὲ, οὔτε ξυνοικισθείσης πόλεως οὔτε ἱεροῖς καὶ κατασκευαῖς πολυτελεῖσι χρησαμένης κατὰ κόμας δὲ τῇ παλαιῇ τῆς Ἑλλάδος τρόπῃ οἰκισθείσης, φαίνεται ἂν ὑποδεεστέρα), Ἀθηναίων δὲ τὸ αὐτὸ τοῦτο παθόντων διπλασίαν ἂν τὴν δύναμιν εἰκάζεσθαι ἀπὸ τῆς φανερᾶς ὀφείας τῆς πόλεως ἢ ἔστιν I, 10, ε.

еслибы онъ писалъ это мѣсто по заключеніи Лизандрова мира? Вторыхъ, историкъ замѣчаетъ, что могущество Аѳинъ показалось бы отдаленнымъ потомкамъ „вдвое большимъ сравнительно съ тѣмъ, каково оно теперь“ (διπλασίαν τὴν δόξαν μιν ἢ ἔστιν). Могъ ли авторъ говорить серьезно о могуществѣ родного города послѣ того, какъ оно было такъ жестоко сокрушено злѣйшими врагами аѳинянъ? Определенное могущество Аѳинъ должно было существовать на дѣлѣ, на глазахъ современниковъ для того, чтобы историкъ былъ въ правѣ сказать, что въ случаѣ предполагаемаго разрушенія города значеніе его могло показаться потомству вдвое большимъ сравнительно съ дѣйствительностью, ἢ ἔστιν, а не ἦν.

Не менѣе убѣдительна ссылка Ульриха на II, 1: „собственно война между аѳинянами и пелопоннесцами съ участіемъ союзниковъ тѣхъ и другихъ начинается нижеслѣдующими событіями, когда обѣ стороны сносились между собою уже не безъ глашатаевъ и, разъ собравшись съ силами, воевали непрерывно“¹⁾. Что подъ словами ὁ πόλεμοςъ разумѣется не двадцатисемилѣтняя, а десятилѣтняя, Архидамова война, доказываетъ выраженіе: „воевали непрерывно“, — выраженіе невозможное въ примѣненіи ко всей двадцатисемилѣтней войнѣ, въ которой, по словамъ самого же историка (V, 26, α), былъ перерывъ сомнительнаго или „подозрительнаго замиренія“ (ἄποκος ἀνακωχή). Непрерывною войною называетъ историкъ только десятилѣтнюю и въ другихъ мѣстахъ своего труда: „вотъ описаніе десятилѣтъ, въ теченіи которыхъ непрерывно велась первая война“²⁾, говорятъ историкъ по заключеніи Никіева мира. Непрерывною называется десятилѣтняя война и въ VI книгѣ³⁾. Неужели Эукидидъ обошелся бы безъ всякихъ поясненій, хотя бы такихъ, какія содержатся въ книгѣ V, 25—26, еслибы, говоря о непрерывности военныхъ дѣйствій, онъ разумѣлъ здѣсь двадцатисемилѣтнюю войну? Понятно, почему въ своихъ возраженіяхъ Ульриху Классенъ вынужденъ обращаться къ явно натянутому толкованію мѣста. Прежде всего онъ настаиваетъ на томъ, что начало II книги есть противо-

¹⁾ ἀρχεται δὲ ὁ πόλεμος ἐνθενδε ἤδη Ἀθηναίων καὶ Πελοποννησίων καὶ τῶν ἑκατέρους συμμάχων, ἐν ᾧ οὔτε ἐπεμίγνυντο ἔτι ἀκηρυκταὶ παρ' ἀλλήλους καταστάσεις τε ξυνεχώσας ἐπολέμουν.

²⁾ ταῦτα δὲ τὰ δέκα ἔτη ὁ πρῶτος πόλεμος ξυνεχώσας γενόμενος γέγρακται V, 24, α.

³⁾ ἀνελήφει ἡ πόλις ἑαυτὴν ἀπὸ τῆς νόσου καὶ τοῦ ξονηοῦς πολέμου VI, 26, α.

поставленіе отношеній, наступившихъ со времени вторженія еивлявъ въ Платею, тому неопредѣлившемуся еще состоянію, о которомъ идетъ рѣчь въ послѣдней главѣ предыдущей книги,—замѣчаніе вѣрное, но ничуть не обязывающее читателя къ выводамъ, желательнымъ Классену. Потомъ, кромѣ противопоставленія различныхъ состояній здѣсь содержится и опредѣленіе новой фазы отношеній между Спартою и Аеиннами, опредѣленіе, выраженное въ придаточномъ предложеніи ἐν φ... ἐνευχῶς ἐπόλεμον. Классенъ силится доказать, что ἐν φ имѣеть въ данномъ случаѣ значеніе не мѣстоименія относительнаго, соединяющагося съ ὁ πόλεμος, но обстоятельственнаго союза: unter welchen Umständen, in welchem Falle, wo denn. Но не говоря о томъ, на сколько правильно навязывать сочетанію „ἐν φ“ самостоятельное значеніе союза, когда имѣется на лицо предметъ опредѣленія, ὁ πόλεμος, для всякаго ясно, что слова ἐν φ... καταστάσεις ἐνευχῶς ἐπόλεμον опредѣляютъ положеніе вещей, обозначенное словомъ „война“ (ὁ πόλεμος) и смѣнившее собою прежнія двусмысленныя отношенія сторонъ. Не даромъ толкованіе Классена не раздѣляется никѣмъ изъ критиковъ. Всѣ ухищренія экзегетики оказываются ненужными, развѣ ὁ πόλεμος обозначаетъ только Аркидамову войну.

Слова той же книги гл. 54 § 3: „Я полагаю, что, еслибы когда-нибудь послѣ этой войны вспыхнула другая дорійская брань и съ нею совпалъ бы голодъ“ и проч. ¹⁾—слова эти, по мнѣнію Ульриха, были бы не возможны послѣ того, какъ декелейская война приведена была къ концу весьма продолжительнымъ и крайне тягостнымъ голодомъ, то-есть, по окончаніи всей двадцатисемилѣтней войны. Не предположительно, а категорически выразился бы историкъ, еслибы онъ зналъ эту позднѣйшую „дорійскую брань“, то-есть, декелейскую войну, и еслибы тогда снова пришелъ аеинянамъ на память этотъ стихъ оракула. Классенъ противъ этого возражаетъ, что авторъ разумѣеть здѣсь голодъ, какъ бѣдствіе, ниспосланное божествомъ, а не какъ естественное послѣдствіе войны, каковымъ былъ голодъ въ Атикѣ. Но дѣло въ томъ, что у самого Эукидида нѣтъ ни слова о такомъ различеніи бѣдствія, и онъ высказываетъ общее предположеніе на случай появленія голода въ будущемъ. По мнѣнію Гербста, въ самомъ словѣ ἐν φ содержится понятіе чего-то внѣшняго, слу-

¹⁾ ἢν δὲ γε οἶμαι ποτὲ ἄλλος πόλεμος καταλάβῃ Δωρικὸς τοῦδε ὑστερος καὶ ἐν φ γενέσθαι λιμὸν κτλ.

чайно совпадающаго съ давнымъ моментомъ, но не исходящаго изъ него ¹⁾). Однако въ текстѣ Тукидида имѣются мѣста, въ которыхъ гл. ἐμφαίνεῖν не имѣетъ такого значенія, напримѣръ, IV, 99. V, 10 и др. Впрочемъ самъ же Гербстъ утверждаетъ, что τούδα (κόλιμοσ) есть десятилѣтняя, а не двадцатисемилѣтняя война.

Что касается прочихъ мѣстъ, указанныхъ Ульрихомъ, то особенно доказательно замѣчаніе Тукидида о чумѣ: „ни отъ чего другого не пострадали въ такой степени боевыя силы аѣннѣвъ, какъ отъ чумы“ ²⁾). По вычисленію историка отъ болѣзни погибло не менѣе 4,400 голлитовъ и 300 всадниковъ; „сколько умерло изъ остальнаго войска, нельзя опредѣлить съ точностью“. Ульрихъ доказалъ (Beiträge, стр. 90 сл.), что, по представленію Тукидида, паденіе Аѣннѣ было послѣдствіемъ не потерь и неудачъ, понесенныхъ аѣннѣнами въ первую войну, но главнымъ образомъ ожесточенной вражды партій въ Аѣннахъ, что и выражено имъ ясно II, 65, 12. Рокowymъ для аѣннѣвъ бѣдствіемъ историкъ считалъ не чуму, а именно внутренніе раздоры ³⁾), какъ видно и изъ VI, 26, гдѣ авторъ замѣчаетъ, что государство оправилось отъ чумы и непрерывной десятилѣтней войны. Наконецъ, у того же Тукидида мы находимъ извѣстіе, что въ Сицилійской экспедиціи погибло не менѣе 7,000 человекъ ⁴⁾). Слѣдовательно, по мнѣнію Тукидида, вполне подтверждаемому имъ же сообщаемыми фактами, не чума причинила сильнѣйшій ущербъ боевымъ силамъ или военному могуществу аѣннѣвъ въ продолженіе всей двадцатисемилѣтней войны, и замѣчаніе его о чумѣ примѣнимо только къ войнѣ Архидамовой. Возраженіе Классена, что историкъ и здѣсь имѣетъ въ виду бѣдствіа, постигшія аѣннѣвъ хотя одновременно съ войною, но независимо отъ нея, въ данномъ случаѣ не имѣетъ за себя и того кажущагося основанія, какъ въ выше разсмотрѣнномъ мѣстѣ. Столь же необѣдительно возраженіе Киприаноса, будто гл.

¹⁾ „ἐμφαίνει: mit folgendem accus. c. infinitivo wie hier pflegt da zu stehen, wo zufällig ein neues zu dem bisherigen hinzutritt, aus dem es sich nicht als weitere Folge entwickelt“. *Philologus* XXXVIII. 1879, стр. 518.

²⁾ ὥστε Ἀθηναίων γε μὴ εἶναι ὁ τι μᾶλλον ἐλάττωσε τὴν δύναμιν. III, 87, α.

³⁾ Καὶ οὐ πρότερον ἐνέβουσαν ἢ αὐτοὶ ἐν σφίσι κατὰ τὰς ἰδίας διαφορὰς περιπεσόντες ἐσφάλησαν.

⁴⁾ ὅμως δὲ οὐκ ἐλάττωσε ἐπτακισχιλίων — πανολοθρία δὲ τὸ λεγόμενον καὶ περὶ καὶ νῆες καὶ οὐδὲν ὁ τι οὐκ ἀπώλετο, καὶ ὀλίγοι ἀπὸ πολλῶν ἐπ' οἴκου ἀπενοστήσαν. VII, 87, α—ε.

ἐλάττωσιν нѣтъ въ этомъ мѣстѣ значеніе растлѣнія правовъ, причиннаго Аѳинамъ чумою ¹⁾.

Первое впечатлѣніе аргументаціи Ульриха было весьма сильно. Выводы его приняты были безъ возраженія издателями Тукидида Поппо и Бѣме; Крюгеръ въ „Kritische Analekten“ остался при прежнемъ мнѣніи, но воздержался отъ критической оцѣнки взглядовъ противника. Гипотеза Ульриха принята историками Еллады: Гротомъ, Курціусомъ, О. Гильбертомъ, Ад. Шмидтомъ, А. Кирхгофомъ, Мюллеромъ-Штрибингомъ и многими филологами, специально занимавшимися тѣмъ же вопросомъ, напримѣръ, Штейномъ, Фольгеймомъ, Цвиклинскимъ, Леске, Шѣне. Разумѣется, въ тѣхъ или другихъ частностяхъ мнѣнія Ульриха подвергаются критикѣ тѣми самыми лицами, которыя раздѣляютъ общія его положенія и принимаютъ окончательный выводъ. Доказательность нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ имъ мѣстъ подвергается сомнѣнію или совсѣмъ отвергается, но при всемъ этомъ удерживается тотъ основной взглядъ его, что исторія Тукидида не была первоначально дѣльнымъ произведеніемъ, составленнымъ по общему плану, что повѣствованіе объ Архидамовой войнѣ написано имъ до возобновленія военныхъ дѣйствій послѣ Никіева мира, и что первая часть исторіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнена и восполнена впоследствии, когда авторъ по окончаніи всей двадцатисемилѣтней войны измѣнилъ первоначальный взглядъ на ея предѣлы и продолжительность и задумалъ написать исторію борьбы между Аѳинами и Спартою въ томъ видѣ, какъ мы теперь понимаемъ, такъ-называемую пелопоннескую войну.

Исходя изъ положеній Ульриха, Цвиклинскій ²⁾ пытался было расчленивъ исторію Тукидида по времени составленія на точно опредѣленныя части, однѣ изъ нихъ считая первоначальными, другія добавленными при первой редакціи, третьи при второй, однѣ считая окончательно обработанными, другія дошедшими до насъ, такъ сказать, въ сыромъ видѣ. Но подобный пріемъ ошибоченъ по существу: онъ предполагаетъ въ древнемъ писателѣ чисто механической способъ

¹⁾ ἡθικὴν διαφθοράν, καθ' ἣν θεῶν φόβος ἢ ἀνθρώπων νόμος οὐδεὶς ἀπέριτε τότε τοὺς Ἀθηναίους τῶν ἀδικῶν καὶ αἰσχυρῶν. Περὶ τῆς οἰκονομίας τοῦ Θουκυδίδου. Φιλίστωρ. tom. Δ' p. 8.

²⁾ Quaestiones de tempore quo Thucydides priorem historiae suae partem composuerit. Berol. 1873. Ueber die Entstehungsweise d. zweiten Theiles d. Thucydideischen Geschichte. *Hermes* XII (1877), 23—87.

составленія труда посредствомъ складыванія одновременно написанныхъ частей, внѣшнихъ добавленій и внемомъ, сдѣланныхъ будто бы впоследствии, по мѣрѣ того, какъ расширялась первоначально поставленная задача и накапливались новые предметы наблюденія.

Систематическія возраженія противъ Ульриха появились впервые лишь шестнадцать лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ *Beiträge zur Erklärung des Thukydides*, именно въ предисловіи къ I книгѣ Тукидида въ изданіи Классена 1862 года. Вскорѣ послѣ того выступилъ въ томъ же смыслѣ Киприаносъ ¹⁾; съ ними же согласны Вельти и Шталь ²⁾. Послѣдній — защитникъ господствовавшаго раньше взгляда Вельцгофера — ограничивается общими мѣстами о цѣльности и единствѣ плана въ сочиненіи Тукидида и слѣдовательно о составленіи всего сочиненія по окончаніи двадцатипятилѣтней войны ³⁾.

Классенъ, какъ онъ и самъ сознается, не прибавляетъ въ своемъ предисловіи ничего новаго, въ смыслѣ выводовъ, къ тому, что высказано было Крюгеромъ. Онъ только шагъ за шагомъ слѣдитъ за аргументаціей Ульриха и старается показать, что въ сочиненіи Тукидида нѣтъ ни одного мѣста, которое съ достаточнымъ основаніемъ могло бы считаться написаннымъ ранѣе конца пелопоннесской войны, или которое доказывало бы, что Архидамову войну Тукидидъ рассматривалъ и излагалъ по особому плану, независимо отъ событій сицилійскаго похода или декелейско-іонійской войны.

Выше мы видѣли, къ какимъ натянутымъ толкованіямъ вынужденъ прибѣгать Классенъ для того, чтобы спасти господствовавшее до Ульриха мнѣніе. Кромѣ того, онъ обходитъ молчаніемъ всю первую часть изслѣдованій Ульриха, посвященную вопросу о наименованіи пелопоннесской войны, и тѣмъ оставляетъ безъ возраженія тотъ важный доводъ противника, что названіе двадцатипятилѣтняго періода борьбы пелопоннесскою войною принадлежитъ собственно Тукидиду, который самъ, какъ видно изъ V, 25 — 26, находилъ нужнымъ защищать единство и цѣльность этого періода, по видимому, разрываетъ

¹⁾ Φιλίστορ, Athen. 1862, p. 193—210 и 1863. p. 1—19.

²⁾ I. Welti. Ueber die Abfassungszeit d. Thukydideischen Geschichtswerkes. Winterthur 1869. I. M. Stahl. Thucydides historia belli Peloponnesiaci. Lips. 1873, p. X—XII.

³⁾ H. Welzhofer. Thukydides und sein Geschichtswerk. Münch. 1878. Op. O. Gilbert—Philolog. Anzeiger IX, стр. 29 сл.

маго нѣсколькими годами такъ-называемаго Никіева мира. Если въ первой части исторіи, излагающей Архидамову войну, читатель не находитъ вступительнаго объясненія о предметѣ изложенія, если описываемая война обозначается общими терминами: „война“, „эта война“, „война пелопоннесцевъ и аѳинянъ“ и пр., то читатель не могъ разумѣть другой войны, какъ десятилѣтнюю, или Архидамову. Пунктъ этотъ вовсе не подвергается критикѣ Классена и слѣдовательно признается имъ и его сторонниками. Потому, противники Ульриха не обращаютъ вниманія на психологическую сторону вопроса. Неужели можно допустить, что историкъ, приступившій къ труду въ самомъ началѣ войны, считавшій ее достопримѣчательнѣе всѣхъ предшествовавшихъ, что историкъ по окончаніи Архидамовой войны, когда заключенъ былъ на пятьдесятъ лѣтъ Никіевъ миръ, не принялся за обработку собраннаго матеріала тогда же и рѣшилъ дожидаться возобновленія военныхъ дѣйствій и дальнѣйшаго окончанія ихъ? Какимъ бы даромъ провидѣнія ни обладалъ историкъ, но не могъ же онъ рассчитывать на то, что миръ продлится не болѣе шести-восьми лѣтъ, что затѣмъ война кончится при жизни его, и онъ будетъ имѣть достаточно досуга для того, чтобы написать исторію аѳинско-пелопоннеской борьбы послѣ окончательнаго исхода,— а пока по прежнему ограничивался собираніемъ матеріала и составленіемъ мемуаровъ? Наконецъ, въ самыхъ возврѣніяхъ Классена съ теченіемъ времени произошла нѣкоторая перемѣна. Чтобы убѣдиться въ этомъ послѣднемъ, достаточно сравнить предисловіе къ I книгѣ съ предварительными замѣчаніями о VIII и особенно о V книгахъ. Въ V книгѣ критикъ находитъ такіа особенности изложенія, какія, по его мнѣнію, могутъ быть объяснены только тѣмъ, что окончательная отдѣлка труда не распространялась на эту часть повѣствованія, равно какъ и на VIII книгу. Здѣсь же онъ говоритъ, что равнымъ, одинаковымъ характеромъ изложенія отличаются только книги II, III, IV, VI и VII, что вслѣдъ за составленіемъ исторіи Архидамовой войны написана была исторія сицилійской экспедиціи, то-есть, непосредственнымъ продолженіемъ первыхъ четырехъ книгъ и первыхъ тринадцати главъ пятой книги слѣдовали по времени составленія шестая и седьмая; что же касается пятой книги отъ 14 главы до конца, то она написана была послѣ нашей седьмой и раньше восьмой. Очевидно, подобная гипотеза исключаетъ единство плана, на которомъ такъ настаиваетъ критикъ въ предисловіи къ I книгѣ.

Отсюда, казалось бы, одинъ только шагъ къ тому, чтобы указать и признать въ самомъ сочиненіи древняго историка наличность слѣдовъ разновременности и самостоятельности составленія нѣкоторыхъ частей исторіи. Но противники Ульриха воздерживаются отъ этого шага, и потому аргументація ихъ страдаетъ очевидною искусственностью въ толкованіи спорныхъ выраженій.

Понятно, почему критика Классена произвела, особенно въ первое время, совершенно обратное впечатлѣніе. Рецензентъ изданія его, нѣкто А. Людвигъ (*Zeitschrift f. d. österr. Gymn.* 1864, стр. 808) предсказывалъ, что послѣ этой критики взгляды Ульриха не будутъ болѣе опровергаемы. Ту же надежду черезъ тринадцать лѣтъ высказываетъ одинъ изъ основательнѣйшихъ знатоковъ нашего историка, А. Шёне (*Jahresbericht über die griech. Historiker mit Ausnahme von Herodot u. Xenophon von 1873 — 1876, вь Jahresb. über die Fortschritte d. class. Alterthumsw.* 1877). Однако надежды эти не оправдались, и гипотеза Крюгера-Классена имѣетъ до сихъ поръ нѣсколькихъ, весьма немногихъ правда, сторонниковъ, поименованныхъ нами выше.

Главную опору этой гипотезы составляютъ тѣ мѣста первой части Эукидидовой исторіи, которыя обличаютъ знакомство автора съ позднѣйшими событіями и съ окончаніемъ войны въ 404 г. Нѣсколько такихъ мѣстъ указано было самимъ Ульрихомъ, именно II, 65. 100, 2. IV, 81, 2 и 108, 4; въ нихъ историкъ имѣетъ въ виду положеніе дѣлъ и событія, слѣдовавшія за сицилійскою экспедиціей (415—413 г.) или же непосредственно предшествовавшія Лизандрову миру (404). Число этихъ мѣстъ стараются увеличить Классенъ и особенно Гербстъ. Но, во первыхъ, при болѣе внимательномъ и непредубѣжденномъ отношеніи большинство выраженій этой категоріи оказываются по меньшей мѣрѣ двусмысленными: они не говорятъ ни за одну, ни за другую гипотезу. Вторыхъ, подобныя выраженія вовсе не исключаются гипотезою Ульриха: она только рассматриваетъ ихъ, какъ результатъ позднѣйшей отдѣлки Эукидидомъ своего труда, а этой послѣдней не отрицаютъ ни Классенъ, ни Шталь. Напротивъ, выраженія первой категоріи непримиримы съ господствовавшимъ до Ульриха взглядомъ и могутъ быть объяснены не иначе, какъ отдѣльнымъ и болѣе раннимъ составленіемъ исторіи Архидамовой войны.

Впрочемъ, въ послѣднее время (1879 и 1881 гг.) сдѣлана попытка согласить между собою взгляды Крюгера и Ульриха. Попытка

принадлежить Л. Гербсту, высказывающему въ двухъ большихъ весьма поучительныхъ статьяхъ ⁴⁾ слѣдующее положеніе: Архидамова война описана историкомъ какъ самостоятельная, закончившаяся Никіевымъ миромъ, но въ повѣствованіе о ней историкъ привнесъ-де знаніе и сицилійской и декалейской войнъ, слѣдовательно все сочиненіе Эукидида написано впервые не раньше, какъ по окончаніи всей двадцатисемилѣтней войны. Подтвержденіе своей гипотезы Гербстъ находитъ въ большей части тѣхъ самыхъ мѣстъ, на которыя ссылается Ульрихъ, и потомъ въ двоякомъ сочетаніи указательнаго м. *ὅδε* съ именемъ *πόλεμος*. Онъ дѣлаетъ совершенно вѣрное наблюденіе, что I книгѣ исторіи чуждо сочетаніе *ὁ πόλεμος ὅδε*, употребляемое историкомъ лишь со II книги, и старается доказать, что *ὅδε ὁ πόλεμος* обозначаетъ всю войну, а *ὁ πόλεμος ὅδε* только десятилѣтнюю, или Архидамову; названіе этой послѣдней войны *ὁ πρῶτος πόλεμος ὅδε* (V, 20, ε) даетъ ему и фактическое основаніе для такого толкованія двухъ сочетаній. Однако доказательства Гербста весьма недостаточны; онъ вовсе не касается другихъ, аналогичныхъ случаевъ двоякаго сочетанія м. *ὅδε* съ другими именами, во множествѣ встрѣчающихся въ сочиненіи Эукидида. Эти случаи, какъ мы стараемся доказать въ предисловіи къ I тому нашего Эукидида, допускаютъ иное, болѣе правдоподобное значеніе, именно: оба сочетанія обыкновенно указываютъ на предметъ, рѣчь о которомъ слѣдуетъ ниже. Но есть случаи, у Эукидида нерѣдкіе, когда м. *ὅδε* относится къ предмету раньше упомянутому. Это послѣднее значеніе присуще у нашего историка сочетанію *ὅδε* + имя, а не обратному. Исключительное употребленіе сочетанія *ὅδε ὁ πόλεμος* въ I книгѣ служитъ однимъ изъ многочисленныхъ указаній на то, что книга эта написана историкомъ какъ дополненіе или послѣсловіе къ повѣствованію объ Архидамовой войнѣ. Такимъ образомъ авторъ говоритъ въ этой книгѣ о войнѣ, которая имъ уже описана въ кн. II—V, 24. Всѣ случаи сочетанія *ὁ πόλεμος ὅδε* удовлетворительно объясняются тѣмъ, что въ каждомъ изъ нихъ рѣчь идетъ о войнѣ, подлежащей дальнѣйшему описанію. Это особенно ясно въ тѣхъ мѣстахъ исторіи, гдѣ авторъ отмѣчаетъ годъ описываемаго имъ ряда событій: II, 47. 70. 103. III, 25. 88. 116. IV, 51 и т. д.

⁴⁾ *Philologus*, XXXVIII и XL. Стр. 503—583 и 271—382.

Потомъ, Гербстъ не обращаетъ вниманія на тѣ психологическія затрудненія, съ которыми сопряжена его гипотеза. Онъ вовсе не объясняетъ, зачѣмъ понадобилось историкъ искусственно разбивать предметъ на двѣ части и одну изъ нихъ, первую, разсматривать и налагать независимо отъ второй, какъ самостоятельную и законченную. Выходитъ такъ, будто историкъ, по окончаніи двадцатисемилѣтней войны задавшійся цѣлью написать всю исторію ея, намѣренно втиснулъ себя въ рамки первой, десятилѣтней войны, одѣлывалъ важность отдѣльныхъ событій ея независимо отъ событій позднѣйшихъ и ради столь искусственнаго плана пожертвовалъ точностью выраженій и ясностью и вѣрностью пониманія читателя. Известно, что во второй части труда (V, 26) историкъ настаиваетъ на томъ, что первая война, слѣдовавшая за нею періодъ Никіева мира и позднѣйшія военныя предпріятія вплоть до 404 года составляютъ одну войну, пелопоннескую. Согласно гипотезѣ Гербста, Эукидидъ намѣренно совершаетъ ту самую ошибку, отъ которой немного дальше предостерегаетъ читателя: излагаетъ Архидамову войну, какъ закончившуюся Никіевымъ миромъ, для того, чтобы потомъ поправить себя и выставить новое понятіе объ Архидамовой войнѣ, только какъ о началѣ двадцатисемилѣтней аэинско-пелопоннеской распри. Чтобы приписать историкъ подобный способъ работы, необходимо открыть въ его сочиненіи аргументы особенно убѣдительные; но такихъ аргументовъ Гербстъ не открываетъ, очевидно, потому, что на самомъ дѣлѣ ихъ и нѣтъ.

Итакъ, во избѣжаніе явно насильственнаго толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ Эукидидовой исторіи, во избѣжаніе усвоенія автору едва ли мыслимыхъ приѣмовъ литературной работы, наконецъ, для уразумѣнія названія труда въ первой части его исторіей пелопоннеской войны безъ тѣхъ предварительныхъ замѣчаній, которыя появляются только во второй части,—необходимо отказаться отъ гипотезы Крюгера-Классена и отдать преимущество положенію Ульриха о одновременности составленія двухъ частей исторіи и о двойственности плана въ дошедшемъ до насъ сочиненіи.

Однако гипотеза Ульриха нуждается въ довольно существенныхъ поправкахъ и дополненіяхъ.

На основаніи слѣдующаго выраженія о волненіяхъ на Керкиръ: „такъ кончилась междоусобная ожесточенная брань по крайней мѣрѣ на время этой войны: то, что осталось отъ враждебной партіи, не заслуживаетъ упоминанія“; на основаніи этого выраженія Ульрихъ

заключаетъ, что по первоначальному плану Эукидидъ написалъ исторію пелопоннеской войны только до IV, 48,5. Что подъ словами „эта война“ разумѣется Архидамова, а не вся пелопоннеская, ясно изъ категорическаго извѣстія Діодора Сицилійскаго ¹⁾ о возобновившихся на островѣ волненіяхъ въ 410 г. ол. 92,3, а равно изъ неупоминанія позднѣйшими историками о какихъ-либо волненіяхъ на Керкирѣ послѣ 404 г. до 396, то-есть, до года смерти нашего историка. По мнѣнію Ульриха, приведенное выше замѣчаніе историка могло быть написано не раньше, какъ послѣ 410 г., когда онъ узналъ о новыхъ междоусобныхъ распряхъ на островѣ и пожелалъ ограничить раньше сдѣланное заключеніе о прекращеніи междоусобій, хотя это ограниченіе и противорѣчило извѣстію историка объ окончаніи распри лѣтомъ 425 г. На самомъ дѣлѣ противорѣчія нѣтъ. Истребленіе олигарховъ на Керкирѣ было не поголовное; кое-что отъ нихъ осталось; изъ этихъ-то остатковъ, въ 425 г. не заслуживавшихъ упоминанія, и вышло то поколѣніе, которое въ 410 г. снова вступило въ борьбу съ народомъ. Слѣдовательно, IV, 48,5 не содержитъ въ себѣ желательныхъ для Ульриха указаній на приостановку исторіи Архидамовой войны въ этомъ мѣстѣ, а выраженіе *ἅσα γὰρ τὸν πόλεμον τότε* показываетъ только, что осторожный историкъ принималъ во вниманіе возможность новыхъ волненій по прошествіи нѣкотораго времени, что дѣйствительно и случилось. Если такъ, то само собою понятно присутствіе въ дальнѣйшей части повѣствованія о той же войнѣ (до V, 24) выраженій, обличающихъ знакомство автора и съ сицилійскимъ походомъ, и съ событіями болѣе поздними. Выраженія эти IV, 81,5. 108,4. V, 20,5. 24,1 представляютъ результатъ позднѣйшихъ измѣненій.

Потомъ, ни Ульрихъ, ни послѣдующая критика не обратили вниманія на то, что не первая, а вторая книга была началомъ литературной работы Эукидида. Въ первыхъ же словахъ всего сочиненія мы находимъ заявленіе историка, что онъ приступилъ къ своему труду непосредственно послѣ того, какъ война началась ²⁾. Началомъ же войны авторъ ясно называетъ первое вторженіе пелопоннесцевъ

¹⁾ XIII, 48.

²⁾ *Θουκυδίδης Ἀθηναῖος ἑνέγραψε τὸν πόλεμον τῶν Πελοποννησίων καὶ Ἀθηναίων—ἀρξάμενος εὐθὺς καθισταμένου καὶ ἐλπίας μέγαν τε ἴσασθαι καὶ ἀξιολογώτατον τῶν προγεγενημένων. I, 1,1.*

въ Атику ¹⁾, имѣвшее мѣсто въ июнѣ 431 г. и упоминаемое историкомъ II, 19; слѣдовательно приблизительно отсюда и началъ авторъ записывать событія. Въ началѣ той же книги онъ называетъ началомъ войны нападеніе еивянъ на Платею, совершенное въ первыхъ числахъ апрѣля 431 года. Достоинно вниманія, что въ первыхъ словахъ первой книги авторомъ употреблено для обозначенія момента съ какового онъ началъ писать свою исторію, то самое выраженіе (χαθισταμένως), каковымъ въ первыхъ словахъ второй книги обозначается настоящее начало пелопоннесской войны (ἐν ᾧ—καταστάνας τε ζουχῶς ἐπολέμοον). Только при этой гипотезѣ становится совершенно понятнымъ употребленіе въ началѣ первой книги формы ζουγράφω „написалъ исторію“, и нѣтъ нужды навязывать гл. ζουγράφειν значеніе собиранія матеріала для исторіи и въ формѣ аориста историческаго усматривать только желаніе автора установить тожество своей личности, какъ это дѣлаетъ Классенъ. Наконецъ, самое содержаніе первой книги, распадающейся на предварительныя общія соображенія о приѣмахъ работы, на сравненіе пелопоннесской войны съ предшествовавшими ей и на изложеніе событій, подготовившихъ послѣднюю войну,—самое это содержаніе служитъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ того, что не отсюда началъ свою работу историкъ пелопоннесской войны. Настоящее назначеніе I книги — подвести читателя къ подлинному предмету повѣствованія историка, то-есть, къ пелопоннесской войнѣ. По составленіи исторіи Архидамовой войны, закончившейся опубликованнымъ во всеобщее свѣдѣніе Никіевымъ миромъ, автору не было нужды въ точномъ опредѣленіи ни конца войны, ни ея продолжительности: то и другое было хорошо извѣстно читателю, и ни того, ни другаго нѣтъ въ нашей I книгѣ. Наконецъ, тѣмъ же порядкомъ составленія объясняется употребленіе выраженія: „за время этой войны Еллада испытала такіа бѣдствія, какихъ не испытывала никогда въ равный промежутокъ времени“ (ἐν ἴσῳ χρόνῳ I, 23,1). Подъ равнымъ промежуткомъ времени можетъ разумѣться только опредѣленный, хорошо извѣстный читателю періодъ, а таковымъ въ данномъ случаѣ могла быть продолжительность Архидамовой, а не всей пелопоннесской войны.

¹⁾ ὡς τὸ πρῶτον ἢ ἐσβολή· ἢ ἐς τὴν Ἀτικὴν· καὶ ἢ ἀρχὴ τοῦ πολέμου τοῦδε ἐγεί-
στο. V, 20,1.

Что касается второй части исторіи, то и здѣсь описаніе сицилійскаго похода, то-есть, книги VI и VII, носитъ на себѣ всѣ признаки составленія самостоятельнаго, независимо отъ общаго плана исторіи, раньше окончанія всей войны, относительно сего соглашаются между собой Классенъ и Шталь съ одной стороны и послѣдователи Ульриха съ Цвилинскимъ во главѣ—съ другой. Напрасно только Цвилинскій во второй изъ названныхъ выше статей силится опредѣлить хронологическую послѣдовательность въ составленіи даже мелкихъ частей этой доли сочиненія.

О. Мищенко.